

Адам Мицкевич

Вибрані твори

Адам Мицкевич

Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5019235

Аннотация

Необычайно красивые стихотворения Адама Мицкевича – известного польского поэта-романтика – привлекают читателей красотой пейзажей Крыма, стремлением к свободе, незримыми духовными связями с историческим прошлым.

Содержание

ГОРОДСКАЯ ЗИМА	4
ВОСПОМИНАНИЕ	6
* * *	7
ПЕСНЬ	10
ОДА К МОЛОДОСТИ	11
ПЕСНЬ ФИЛАРЕТОВ	13
ТОСТЫ	15
ПЛОВЕЦ	16
К... Фон Д... РИСУЮЩЕМУ ДЛЯ МЕНЯ ПОРТРЕТ МАРИИ	18
ИОАХИМУ ЛЕЛЕВЕЛЮ НА ОТКРЫТИЕ КУРСА ЛЕКЦИЙ ПО	19
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В ВИЛЕНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ, 6	
ЯНВАРЯ 1822 ГОДА	
БАЛЛАДЫ И РОМАНСЫ	25
ПЕРВОЦВЕТ	25
РОМАНТИКА	27
СВИТЕЗЬ	29
СВИТЕЗЯНКА	34
ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТЦА	41
МОГИЛА МАРЫЛИ	43
ДРУЗЬЯМ	46
ЛЮБЛЮ Я!	48
ПАНИ ТВАРДОВСКАЯ	52
ЛИЛИИ	55
ДУДАРЬ	63
ПРИЗРАК	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Адам Мицкевич

Стихотворения

ГОРОДСКАЯ ЗИМА

Прошли дожди весны, удушье лета,
И осени окончился потоп,
И мостовой, в холодный плащ одетой,
Не режет сталь блестящих фризских стоп.
Держала осень в заточенье дома.
На вольный воздух выйдем, на мороз!
Кареты лондонской не слышно грома,
И не раздавит нас металл колес...
Приветствуй горожан, пора благая!
И неманцев и ляхов одарят,
Сердца их для надежды раскрывая,
Улыбки тысяч фавнов и дриад.
Все радует, бодрит и восхищает!
Пью воздуха холодную струю,
Которая дыханье очищает,
Или на хлопья снежные смотрю.
Одна снежинка плавает в стихии,
Другая – та, что тяжелей, – легла.
А эти улетят в поля сухие.
Вилийские побелят зеркала.
Но кто в селе глядит, как заключенный,
На лысый холм, на одичавший дол
И на деревья рощи обнаженной,
Ветвям которых снегопад тяжел,
Тот, опечален небом, ставшим серым,
Бросает край уныния и льда
И, променяв на Плутоса Цереру,
В карете с золотом летит сюда.
Пред ним – гостеприимные ворота.
Дом краской и резьбою веселит.
Он забывает сельские заботы
В кругу очаровательных харит.
В селе, едва редееет мгла ночная,
Церера сразу встать неволит нас.
Здесь – солнце жжет, зенита достигая,
А я лежу, не размыкая глаз.
Потом в нанкине, наскоро надетом,
Я, модной молодежи круг созвав,
Болтаю с ними, – и за туалетом
Проходит утро, полное забав.
Один в трюмо себя обозревает,

Бальзам на кудри золотые льет;
Другой стамбульский горький дым вдыхает
Или настой травы китайской пьет.
Но вот уже двенадцать бьет! Скорее
На улицу – и я уже в санях.
И росомаха или соболь, грея,
Игольчатые на моих плечах.
Я в зал вхожу, где, восхищая взоры,
Стол пиршества для избранных накрыт.
Напитков вкусных, здесь полны фарфоры,
И яства разжигают аппетит.
Коньяк и пунши в хрустале граненом,
Столетний зной венгерского вина;
Мускат по вкусу дамам восхищенным:
Он веселит, однако мысль – ясна.
Блестят глаза, а чаши вновь налиты...
Остроты, шутки, пылкие слова...
Не у одной из дам горят ланиты,
В огне от нежных взглядов голова.
Но вот и солнце никнет. Сумрак синий
Таит благодеяния зимы.
Сигнал разъезда дали нам богини.
И лестницы гремят. Уходим мы.
Тот, кто слепому счастьем доверяет,
Вступает, фараон, в твою страну
Или искусно кием управляет
Слонов точеных гонит по сукну.
Когда же ночь раздвинет мрак тяжелый
И в окнах вспыхнет множество огней,
Кончает молодежь свой день веселый,
Шлифуя снег полозьями саней.

[1817]

ВОСПОМИНАНИЕ

Сонет

Лаура, помнишь ли те сладостные годы,
Когда вдали от всех бытийственных забот
Друг другом жили мы, не числя дней полет,
Забыв докучный мир для счастья и свободы.
Ты помнишь этот сад, аллея живые своды,
И речку, и покой ее прозрачных вод,
И нег ночных приют – обвитый хмелем грот,
Где проникали к нам лишь голоса природы.
А месяц озарял то груди белизну,
То золотых волос роскошную волну,
И ты божественным влекла очарованьем.
В подобные часы восторгам нет конца,
Уста встречаются, блаженство пьют сердца,
И вздоху вторит вздох, признания – признаньям.

[Начало 1819]

* * *

Уже с лица небес слетел туман унылый.
Ты, кормчий, встань к рулю, пускай шумит ветрило,
Режь соль седых валов рукой неустомимой.
Простерся океан вдали необозримый.
Пусть не страшит тебя ни дальняя дорога,
Ни хрупкая ладья, ни то, что нас немного.
Подумай, ведь Язон, когда отплыл впервые,
Доверясь прихотям обманчивой стихии,
Корабль имел простой и сердце не из стали,
Ведь ад и небеса герою угрожали,
Но, цель высокую поставив пред собою,
Он все преодолел, добыл руно златое.
Нам тоже ведомы высокие дерзання,
Должны воздвигнуть мы на новом месте зданье,
И, если подвиги не меньшие нас манят,
Пусть аргонатов нам живой пример предстанет.
Они, из отчих гнезд впервые вылетая,
Предприняли поход, опасностью играя.
Мы их наследники. Страшиться мы не вправе.
Преодоленный труд – всегда ступенька к славе.
Там каждый отдавал свой труд на пользу дела:
Кто – мощь, кто – зоркость глаз, кто – голос лиры
смелой.
И мы поступим так. Ведь мы не бесталанны
И сил не лишены. Свершим же путь желанный.
Стремиться будем все, – один свершит, быть может:
Неравной мерою дары даются божьи.
Но там, где поприще огромно и прекрасно,
Неравенство сие не может быть опасно.
Счастлив, кому венок достанется лавровый,
Он увлечет других стремленьем к славе новой,
Но пусть тщеславие не завладеет нами,
Гордится дерево не листьями – плодами,
Нам станут гордостью полезные деянья,
Не пальма первенства и не рукоплесканья.
Пусть каждый говорит, как воины ахейн:
«Я – сильный, дайте мне доспех потяжелее».
Пока, спеша к мете, поставленной на бреге,
Ты не опередил других в могучем беге,
До той поры народ, на состязанье глядя,
Спокойно ждет того, кто подлежит награде,
Но если уж других ты позади оставил,
Гляди, чтобы навек себя не обесславил.
Спеши, дабы тебя опять не обогнали,
Нажав в последний миг, отставшие вначале.

Ведь если выше ты других себя считаешь,
О славе более высокой ты мечтаешь,
Победу одержав в публичном состязанье,
Услышать всякий рад толпы рукоплесканье,
Но, если полубог сразил в бою кентавра,
Что значит для него простой венок из лавра!
Пусть примет большой труд, в ком громче голос чести,
Себя позорит он, когда стоит на месте!
К вам, братья славные, я обращаю взоры,
Вы, дня грядущего надежда и опора,
Кого природа-мать любовно наградила,
Взмахните крыльями, взлетите с новой силой
Затем, чтоб, достигнув вершины величавой,
По-братски звать других в поход зановь славой!
А нам, которые идут за вами следом,
Высокий ваш полет укажет путь к победам.
В соревновании с могучими мужами
Гордились юношидесятыми венками.
Мы тоже их возьмем. Пусть зависть не хлопочет.
Червь равнодушия в нас воли не подточит.
Свободен наш союз, нам принужденье чуждо.
Труд – наше божество, девиз священный – дружба.
Настанет день, когда, соединивши руки,
Девиз воспримут наш и нас восхвалят внуки.
Но, право, нужно быть тупицей недалеким,
Чтоб сделать доступ к нам открытым и широким.
Строенье лишь тогда не рушится веками,
Когда строители кладут отборный камень.
И чтобы замысел не оставался словом,
Пусть исполнители пройдут отбор суровый!
Кротонец, в таинствах природы умудренный,
Покровом призакрыл лик правды обнаженной
И, добродетели подъявля жезл крылатый,
Не всем ученикам давал название брата.
Так было некогда на таинствах Орфийских,
И на мистериях так было Элевзинских.
Немало жаждущих попасть в наш круг стремится,
Но разные у них намеренья и лица.
Личину с них сорвав, увидим их в натуре:
Отыщем среди них волков в овечьей шкуре!
Кто жадностью томим, а кто из горделивых,
Кто ищет не друзей, а слуг, покорных, льстивых.
Коль цели хитростью достигнуть не способны,
Пред нами предстают и мстительны и злобны.
Иной из прихоти иль в детском увлеченье
За непосильное берется порученье,
Но, лишь с малейшею преградою столкнется,
Легко он, как дитя, с мечтою расстаётся.
Когда к нам доступа таким не будет людям,

Когда в согласии стремиться к цели будем,
Все личные забыв обиды и расчеты,
На благо общее положим все заботы,
Тогда скажу, учтя минувшего страницы:
Нам будут подражать, нам будет чем гордиться!

[Сентябрь 1818]

ПЕСНЬ

Пусть счастьем глаза загорятся,
Чело нам украсит венок,
Обнимемся все мы по-братски,
Сойдемся в веселый кружок!
Пускай к нам не ведают входа
Обманы, предательство, лесть;
Здесь чтится высоко свобода,
Отчизна, наука и честь.
Мы руки друг другу протянем,
Откроем друг другу сердца
И помыслы, чувства, желанья
Поведаем все до конца.
Здесь сгинут страдания тени
Средь песен, утех, развлечений.
Кто стал нашим братом и другом,
В труде, средь веселых забав,
В зеленом венке и за плугом
Пусть помнит всегда наш Устав.
Пусть он вдохновится присягой,
Что здесь согласился принести,
Всю жизнь защищает с отвагой
Отчизну, науки и честь!
Дойдем мы, хоть трудной дорогой,
До счастья, когда подадут
Все руки друг другу. Помогут
Нам смел ость, согласие и труд!

[Октябрь 1819]

ОДА К МОЛОДОСТИ

Без душ, без сердца! Толпа скелетов!
О дай мне, молодость, крылья!
И я над мертвым взлечу мирозданием,
В пределы рая, в обитель светов,
Животворящий восторг изведав,
Где над цветением и созиданием
Златые сонмы картин открылись!
Пускай годами отягощенный
Склонился старец, уставясь в землю,
Потухшим оком едва объемля
Мир омраченный.
Ты, молодость, прах юдоли отринешь,
Взлетишь и, светлым взглядом ширяя,
Все человечество ты окинешь
От края до края!
Глянь вниз! Там ночь воздвиглась немая,
Планету своим зловонным потоком
Всю обнимая.
Глянь вниз! Над этой заводью гнусной
Какой-то гад всплывает искусно,
Он служит рулем себе и флагштоком
И прочих мелких зверушек топит,
Всплывает кверху, нырнет обратно
И снова сух в волне коловратной.
А если жалкий пузырик лопнет,
Нам дела нет, что проглочен глубиью
Гад себялюбья!
О молодость! Сладок напиток жизни,
Когда его с другими поделим!
Так лейся же, опьяняй весельем,
Избытком золота в сердце брызни!
Друзья молодые! Вставайте разом!
Счастье всех – наша цель и дело.
В единстве мощь, в упоенье разум.
Друзья молодые! Вставайте смело!
Блажен и тот на дороге ранней,
Чье рухнет в битве юное тело,
Другим оно служит ступенью в брани.
Друзья молодые! Вставайте смело!
На скользких срывах по кручам этим
Сила и слабость на каждой грани.
На силу силой, друзья, ответим,
А слабость сломим в юности ранней!
Кто в младенчестве гидру задушит,
Подрастет, – взнуздает кентавров,

Изведет из Тартара души,
Удостоится вечных лавров.
Досягни, куда глаз не глянет!
Чего разум неймет, исполни!
Орлим взлетом молодость прянет,
Обнимая перуны молний!
Други, в бой! И строем согласным
Всю планету вокруг опояшем!
Пусть пылает в единстве нашем
Мысль и сердце пламенем ясным!
Сдвинься, твердь, с орбиты бывалой,
С нами ринься на путь окрыленный,
Ты припомнишь возраст зеленый,
С кожурой расставшись завялой.
Когда в мирах былой полунощи
Вражда стихий пировала бурно,
Одно ДА БУДЕТ господней мощи
Обосновало закон природы,
Запели вихри, помчались воды,
Возникли звезды в тверди лазурной,
Так и сейчас еще ночь глухая,
Все человечество в алчных войнах.
Чтобы любовь благая воскресла,
Встанет из хаоса Дух полыхая;
Пускай зачнет его юность во чреслах,
А дружба взрастит в объятьях стройных.
Ломают льды весенние воды.
С ночью свет сражается тьмою.
Здравствуй, ранняя зорька свободы!
Солнце спасенья грядет за тобою!

[Декабрь 1820]

ПЕСНЬ ФИЛАРЕТОВ

Эй, больше в жизни жара!
Живем один лишь раз:
Пусть золотая чара
Недаром манит нас.
Живей пускай по кругу
Веселых дней подругу!¹
Хватай и наклоняй до дна,
Чтоб жизни глубь была видна!
К чему здесь речь чужая?
Ведь польский пьем мы мед:
Нас всех дружнее сближает
Песнь, что поет народ.
У древних нам учиться
Не в книжном прахе гнить:
Как греки – веселиться,
Как римляне – рубить.
Вон там юристы сели.
И им бокал поставь:
Сегодня – право силы,
А завтра – сила прав.
Сегодня громогласье
Свободе невдомек:
Где дружба и согласие
Молчок, друзья, молчок!
Кто гнет металл и плавит,
Тот плавит времена:
Нам, чтоб его прославить,
Пусть Бахус даст вина!
Тому из мудрых слава,
Кто в химии знал вкус:
Тончайшего состава
Пил мед любимых уст.
Измеривший дороги,
Пути небесных тел,
Был Архимед убогим:
Опоры не имел.
А нынче, если двигать
Задумал мир Ньютон,
У нас пусть спросит выход
И этим кончит он.
Чертеж небесной сферы
Для мертвых дан светил,
Для нас же – сила веры

¹ Первая строфа – это подражание песне немецких буршей.

Вернее меры сил.
Затем, что – где пылает
Порывов сердца дух.
Зря мерку снять желают!
Единство – больше двух!
Эй, больше в жизни жара!
Живем ведь только раз:
Вот золотая чара,
Не медли, дорог час.
Кровь стынет в бедном теле,
Поглотит вечность нас
И взор затмится Фели,
Вот филаретов сказ.

[Декабрь 1820]

ТОСТЫ

Как наша прожила б планета,
Как люди жили бы на ней
Без теплоты, магнита, света
И электрических лучей?
Что было бы? Пришла бы снова
Хаоса мрачная пора.
Лучам – приветственное слово.
А солнцу – громкое ура!
Но что лучи иль искры света,
Когда морозом мир объят
И сердце наше не согрето?
Привет теплу! Теплу виват!
Теплу и свету люди рады,
Но ветер их разъединит,
Не встретив на пути преграды.
Магнит сюда! Ура, магнит!
Теперь мы тесный круг составим
При ярких солнечных лучах
И электричество восславим
С бутылкой лейденской в руках!

[1821?]

ПЛОВЕЦ

О море бытия, каким ты страшным стало!
Когда я отплывал, твоя сияла гладь,
Теперь же ночь кругом и грозный грохот вала!
Нельзя ни дальше плыть, ни к берегу пристать:
Что толку руль сжимать рукой усталой?
Блажен, на чьей ладье за кормчих – Красота
И Добродетель! В час, когда вскипают аолны
И меркнет день, к пловцу небесная чета
Склоняется: в руках у этой кубок полный,
Свой чудный лик приоткрывает та..
И с Добродетелью одной к утесу славы
Вы сможете доплыть: стоический бальзам
Вас дивно укрепит на подвиг величавый;
Но если Красота не улыбнется вам,
Вы доплывете, пот пролив кровавый.
Однако Красота, лик показавши свой,
Нередко средь пути коварно улетает,
Надежды лживые все унося с собой;
О, как тогда душа, осиротев, страдает,
Великою охвачена тоской!
С небесной Красотой в мучительной разлуке,
Бороться с бурей, в крошечной тьме тонуть,
Хвататься в ужасе за каменные руки,
Валиться замертво на ледяную грудь
Кто долго выдержит такие муки?
Пресечь их так легко! Одним движеньем я
Навек спастись бы мог от бурь и тьмы дремучей...
Иль тем, кто брошены в пучину бытия,
Ни сгинуть целиком в волне ее гремучей,
Ни вырваться из недр ее нельзя?
Мне люди говорят, что все живое тленно..
Но голос веры им во мне не заглушить,
Да, звездам духа чужд закон природы брэнной,
Им до конца времен светиться и кружить
По необъятной глубине вселенной.
Кто крикнул с берега? Ужели до сих пор,
– О братья и друзья, вы на скале стоите?
Ужель в такую даль ваш долетает взор
..И до сих пор вы сквозь туман глядите,
Как я держусь, волнам наперекор?
Коль в бездну брошусь я, отчаяньем гонимый,
Упреков тьма падет на голову мою
От вас, которым туч громады еле зримы,
Чуть слышен ураган, терзающий ладью,
И мнится, что гроза проходит мимо.

Вам не понять того, что пережито мной
Тут, на моей ладье, – под громом, ливнем, градом!
Судья нам – только бог: кто хочет быть судьей,
Тот должен быть во мне, а не со мною рядом.
Я дальше поплыву, а вы, друзья, домой.

17 апреля 1821 г.

К... Фон Д... РИСУЮЩЕМУ ДЛЯ МЕНЯ ПОРТРЕТ МАРИИ

Тебе, картин творец, обязан большим я,
Чем вечному творцу живого бытия.
Лишен я счастья был злбкозненной судьбою,
Оно моим глазам возвращено тобою.
Я с детства ничему учиться не хотел,
Но если бы твоим искусством я владел!
Судейского крючка забота вечно гложет,
От мертвецов живых отбиться врач не может,
Паллады верный жрец избрал науки путь,
Всю жизнь уча тупиц, он надрывает грудь.
Желудку мудреца частенько роздых нужен
Всё лавры на обед да похвалы на ужин!
И лишь вокруг тебя прелестный вьется рой,
И ты для милых дам – прославленный герой.
В глаза красавицы ты взоры погружаешь,
Искусною рукой ее изображаешь.
Прекраснейших картин немало в мире есть,
По праву среди них твоим хвала и честь.
Твой гений наградят наградой несравнимой
То юноши восторг, то нежный взгляд любимой.
Тобой похищен лик возлюбленной моей,
Ты отдал мне его, художник-чародей,
Благодарю, она теперь навек со мною,
В ее глазах тону я сердцем и мечтою,
И волшебство твое меня освободит
От пытки тягостной, что разум мой мутит.
К воображаемой стремился я богине,
Для сердца, глаз и рук она живая ныне.

[1821]

ИОАХИМУ ЛЕЛЕВЕЛЮ НА ОТКРЫТИЕ КУРСА ЛЕКЦИЙ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В ВИЛЕНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ, 6 ЯНВАРЯ 1822 ГОДА

*Belorum causas et vitia, et modos
Ludumque Fortunae gravesque
Principum amicitias et arma...
Periculosae plenum opus aleae
Tractas et incedis per ingnes
Suppositos cineri doloso...
H or at., L. II, I
[Причина войн, их ход, преступления,
Игра судьбы, вождей союзы,
Страшные гражданам, и оружие,
Об этом ныне с гордою отвагою
Ты пишешь, по огню ступая,
Что под золою обманно тлеет.
Гораций. Оды, кн. II, I
(Перевод Г. Церетели)*

Давно взыскуемый питомцами своими,
Лелевель славный, вновь предстал ты перед ними,
И снова дружеской ты окружен толпой,
Глядящей на тебя, как на родник живой.
Не тот, кто красными словцами щеголяет,
Гордится, что его везде на свете знают,
Что груз его трудов сгибает книгонош,
Нет, не такой увлечь способен молодежь,
А тот, кто славится высоких дум полетом
И средь своих слывет горячим патриотом.
В том и другом пример, Лелевель, ты для нас:
В науке и делах непогрешим твой глаз.
Хоть молод ты еще, седым Мафусаилам
С тобою мудростью равняться не по силам.
Не только у себя в стране ты знаменит.
За рубежом ее хвала тебе гремит.
О том, что твой приезд нам сделал солнце краше,
Ладони и уста свидетельствуют наши.
Как долго уходил из здешних зал домой
Безрадостно наш слух, воспитанный тобой!
Начни ж ученикам, тебе внимать готовым,
Вновь чудеса являть своим волшебным словом,
Из гроба поднимать искусством колдовским
Элладу древнюю и стародавний Рим.
Герои вновь живут и дышат, как бывало,
С чела их сброшено Плутоново забрало,
С груди, таившей дум проникновенных клад

И волю страстную, железный панцирь снят.
Вот македонский вождь с творцом «Федона» рядом.
В их думы и сердца мы проникаем взглядом.
Тут искра яркая, там подвига зерно,
А искре сноп огня родить порой дано,
Зерну же вырасти в такого исполина,
Которому равна вселенной половина.
Античных гениев сильна над миром власть,
Пред их величием должны мы ниц упасть;
Лучами славы их, не знающей затмения,
Озарены веков позднейших поколенья.
Но только ли герой велик? Велик и тот,
Кто подвиги его до глубины поймет.
Бывает, город вдруг, как камень, в бездну канет,
Из вод огонь забьет, и тьма над миром встанет.
Таких событий жив свидетель не один,
Но мало кто умел дойти до их причин.
Еще трудней найти свидетеля такого,
Который бы сумел дойти до основного,
Дороги, разумом указанной, держась:
Какая между всех явлений этих связь?
Как привести могла, единая причина
В смятенье небеса, и землю, и пучину?
Природу мертвую оставим и к живой,
Стократ сложнейшей, взор теперь направим свой.
Легко ли находить причин и следствий звенья
– Там, где людских судеб царит переплетенье?
Картина пестротой наш поражает глаз,
Разноголосица сбивает с толку нас,
А Истина за мглой скрывается густою,
Лишь слабые лучи бросая нам порою.
Но не доходит к нам и этот слабый свет.
С рожденья слепы мы в течение многих лет.
Когда ж едва-едва мы обретаем зренье,
Нас чужаки тотчас берут на попечение:
Очки нам подают, изделие их рук,
И через них ясней мы видим все вокруг.
Беда, однако, в том, что стали все предметы
Для нас такого же, как эти стекла, цвета.
Ошибки зрения, благодаря очкам,
Переносить на мир с тех пор привычно нам.
Мы – вечные рабы: не только в настроеньях
Зависим от других, но также и в сужденьях.
Ребенок чувствует, как чувствует отец,
Страдает от цепей обычая юнец.
Нередко собственным гордятся мнением люди;
Нет, всосано оно из материнской груди
Или наставником посеяно поздней
В глубь сокровенную их молодых ушей.

И все ж ты выдаешь любым своим движеньем,
Что европеец ты, поляк происхожденьем.
А солнце Истины горит для всех равно,
Различия племен не ведает оно,
Всех одинаково своим ласкает светом,
Жар посылает всем, живущим в мире этом.
Кто хочет Истине святой в лицо взглянуть,
Тот должен знать: один к ее Познанию путь
Ум от влияния освободить чужого
И Человеком быть в высоком смысле слова.
К такой работе бог историков зовет,
Но многим ли она по силам? Нет, лишь тот,
Кому в удел дало благое провиденье
Сверх пары крепких рук и крылья вдохновенья.
Способен воспарить над торжищем страстей,
Над интересами, делящими людей,
Угадывать, где взрыв готовится на свете,
Иль погружаться в мрак умчавшихся столетий.
В их темной глубине копая, он на свет
Выносит не один бесценный самоцвет.
Лелевель, мы тобой гордимся, сознавая,
Что родила таким тебя земля родная.
Внимает истину из уст твоих народ
О том, что было, есть, что нас в грядущем ждет.
Людское общество впервые наблюдаем
На землях, занятых Двуречья древним краем.
Среди равнин, чья гладь не ведает препон,
В один большой народ сложился ряд племен.
Тираны в городах, стенами обнесенных,
Уселись на спине селян поработенных.
Средь островов и бухт, прославленных навек,
Поздней республику построил бойкий грек;
Затем, что муравьем был схож своей природой.
Грек мирмидонскою считал себя породой.
Он, в городах чужих селясь, их украшал,
Чужие божества в свои преображал;
Кумирни Красоте воздвиг и милой Воле
Двум дочерям небес, непознанным дотоле.
Их духом вдохновлен, душой открыт и смел,
Он мыслил, воевал, любил, учил и пел.
Но вот мидиец меч свой поднял над землею,
Восточный идол в страх ввергает все живое.
Толпа невольников, гонимая бичом,
Из-за Кавказских гор несется напролом,
Все на своем пути топча, круша и руша;
Ксеркс море захватил, ордою залил сушу,
Но с тучки греческой сорвался гром, и вот
Рассеялась орда, на дне мидийский флот.
Уйдя от гибели, не покорясь невзгодам,

Грек к азиату в дом отправился походом.
И там он на коврах персидских опочил,
И меч заржавленный из рук он уронил,
И был в железо взят в своем бессилье сонном
Пастушьим племенем, волчицею вскормленным.
Привыкли Ромула драчливые сыны,
Отвагой воинской и хитростью сильны,
Соседей истреблять, в годину же покоя
Они крепили дух для нового разбоя
Иль меж собой дрались, пока их в общий бой
Не призывал расчет на выгодный разбой.
Но вот у забияк противников не стало,
И в праздных мышцах нет упругости бывалой.
Над миром Рим царит, над Римом же тиран,
Уже не воин Рим, а дряхлый великан.
Кто жизнь опять зажжет в его остывшем теле?
Вы, чада пылкие страны седых метелей!
Вот гордый сюзерен, верхом на скакуне,
С копьем и четками в руках и весь, в броне,
Небес и госпожи своей слуга, вассалов
Под кров готический созвал. Там звон бокалов,
В руках у дам венки, хор лютней с пеньем схож,
И копьа яростно ломает молодежь.
Нежнее, чем у нас, у них сердца под сталью:
Впервые с горных круч они Любовь призвали
Сердечную, какой не ведали в свой век
Жрец духа иудей и в плоть влюбленный грек.
Когда грозила смерть законности основам,
Они их рыцарским своим крепили словом;
Чтоб кривды исправлять, в заморские края
Пускались, в памяти прелестный взор тая;
Из дальних стран они везли домой трофеи
Иль клали головы за веру в Иудее.
В их замках между тем засели чернецы,
Забрали в руки власть церковные отцы;
Под выстрелами булл заколебались троны,
Рим снова стал земле давать свои законы.
Позднее короли при помощи штыков
Смирили подданных и свергли чужаков.
В краях, где издавна в почете просвещение,
Есть хартии свобод и прав у населения.
Такую хартию мы в Англии найдем,
Таковую даровал нам Ягеллонов дом.
В других-же странах власть – примеров тут
немало
Дворян-мятежников с крестьянами сравнила.
Испанцу повезло: пустившись в океан,
Достиг он берега богатых новых стран,
Его сокровища растут, и с каждым годом

Он все наглей грозит оружием народам.
Его соперники дают ему отпор
Открыто иль войдя друг с другом в заговор,
Но друг на друга все ж поглядывая косо,
Всяк палку вставить рад союзнику в колеса.
Всегда настороже с приятелями будь,
При них не вырони из рук чего-нибудь.
Коль мирно ты живешь и никому на свете
Не хочешь повредить, милейшие соседи
Рассорят в доме всех и дом твой подожгут.
К утру спасителей ватага тут как тут.
Торговцы странами, народных слез менялы,
Спасители крадут, что под руку попало;
Заступник на врага разительно похож,
Тебя обворовать обоим неverteж.
Так шла в Европе жизнь, покуда над Секваной
Не разразился гром вскипевшего вулкана.
Созрела лава в нем: старинный произвол,
Меж властью светскою и церковью раскол,
Мечты мыслителей, горячих душ порывы,
Рабов восставших злость на род дворян спесивый.
Как древле из семян нечищенных на свет
Пифоны родились, уродливы, как бред,
Так из посева чувств и дум разноречивых
Змий революции взошел на галльских нивах,
Его ни побороть нельзя, ни в прах втоптать,
Рождает мстителей земли любая пядь.
Они встают толпой; они горят желаньем
Жизнь по Платоновым построить начертаньям.
Другие же казну сносили в новый дом,
Чтоб с помощью ее разбогатеть потом;
Врагов сломив, они пошли, мечом бряцая,
И кровью истекли, чужую проливая.
Там императором вчерашний консул стал,
И польскую там кровь Домбровский проливал.
Хотя уже давно в могиле исполины,
Еще их кровь могла б плодотворить равнины.
Однако что же я? Как смею воспевать
Моря, в которых мне не довелось бывать?
Как смею, жалкий червь, к орлам себя причисля,
Полету подражать твоей ученой мысли?
Приди на помощь мне, ведь ты слывешь у нас
Первейшим среди всех историков сейчас,
Ты ложь разоблачил бесчисленных писаний
И правду извлекал из самой лжи преданий,
Кому ж, как не тебе, науки глубь видна,
Кому прекраснее дарит плоды она?
Нам, рукоплещущим тебе сегодня рьяно,
Скажи, как на Парнас вознесся ты так рано?

И взором ласковым нас примани туда,
Откуда светишь ты, как кормчая звезда,
Хотя и более достойными руками
Увенчан ты, – прими венок, сплетенный нами,
И погордиться тем нам разреши, любя,
Что для него цветы мы взяли у тебя.

[Январь 1822 г.]

БАЛЛАДЫ И РОМАНСЫ

ПЕРВОЦВЕТ

С небесной песней самой ранней
Примчался жаворонок звонкий;
Цветочек ранний на поляне
Блеснул под золотистой пленкой.

Я
Цветочек милый, рановато!
Еще морозом полночь веет,
Еще в дубравах сыровато
И плесень на горах белеет.
Прижмурь златые огонечки,
Под матушкин подол укройся,
Зубочков инея побойся,
Страшна роса холодной ночки!
Цветочек
Как мотыльки, родясь с рассветом,
Мы к полдню гибнем. Больше счастья
В одном апрельском миге этом,
Чем в целых декабрях ненастья.
Коль дар богам воздать ты хочешь,
Друзьям своим, своей любимой
Вплети меня ты в свой веночек,
И будет дар незаменимый!

Я
Средь чахлых травок перелеска
Ты вырос, о цветочек милый;
В тебе ни мощи и ни блеска,
Так чем ты мил, цветочек хилый?
Чем? У тюльпана есть корона,
Весь облик лилии – державен,
У розы – расписное лоно,
У зорь – огонь... А ты чем славен?
И почему ты полон все же
Надеждою несокрушимой,
Что будешь ты всего дороже
Моим друзьям, моей любимой?
Цветочек

Твои друзья мне будут рады
Весны посланцу, ангелочку;
Ведь дружбе блеска и не надо,
Ей тень любезна, как цветочку!
Достоин ли я доли этой?
Ах, очи неземной Марыли

За молодости первоцветы
Лишь первой слезкой отдалили!

[Вторая половина 1820]

РОМАНТИКА

*Methinks, I see... Where?..
In my mind's eyes.
Shakespeare
[Как будто вижу... Где?..
В очах моей души.
Шекспир (англ.)*

Девушка, что ты?
– И не ответит.
Нет ни души здесь. Ну что ты?
Тихо местечко. Солнышко светит,
С кем говоришь ты в эти минуты?
Руки простерла к кому ты?
– И не ответит.
То в пустоту ненароком
Смотрит невидящим оком,
То озирается с криком,
То вдруг слезами зальется.
Что-то хватает в неистовстве диком,
Плачет и тут же смеется.
«Здесь ты, Ясенько? Вижу, что любишь,
Если пришел из могилы!
Тише! меня ты погубишь,
Мачеха дома, мой милый!
Слышит? – и ладно, пусть я в ответе!
Ты ведь не здесь – на том свете!
Умер? Как страшно в сумраке ночи!
Нет, мне не страшно, ты рядом, как прежде,
Вижу лицо твое, губы и очи!
В белой стоишь ты одежде!
Сам ты холстины белее,
Боже, как холодны эти ладони!
Дай их сюда – отопрею на лоне.
Ну поцелуй же, смелее!
Умер! Прошли две зимы и два лета!
Как холодна ты, могила!
Милый, возьми меня с этого света,
Все мне постыло.
Люди все злобою дышат,
Горько заплачу – обидят,
Заговорю я – не слышат,
То, что я вижу, – не видят!
Днем не придешь ты... Не сон ли?.. Как
странно!
Я тебя чувствую, трогаю даже.
Ты исчезаешь. Куда ты? Куда же?

Рано, совсем еще рано!
Боже! Запел на окраине кочет,
В окнах багряные зори.
Стой же! Уходит. Остаться не хочет.
Горе мне, горе!»
Так призывает девушка друга,
Тянется следом и плачет.
Голос печали слышит округа,
Люди толпятся, судачат.
«Богу молитесь! – твердят старожилы.
Просит душа о помине,
Ясь неразлучен с Карусей поныне,
Верен был ей до могилы».
Я в это верю, не сомневаюсь,
Плачу, молиться пытаюсь.
«Девушка, что ты? – крикнет сквозь ропот
Старец и молвит солидно:
Люди, поверьте, поверьте в мой опыт,
Мне ничего здесь не видно.
Духи – фантазия глупой девицы,
Что вы за темные души!
Спятила – вот и плетет небылицы,
Вы же развесили уши!»
«Девушка чует, – отвечу я сразу,
Люди без веры – что звери.
Больше, чем разуму, больше, чем глазу,
Верю я чувству и вере.
Будет мертва твоя правда, покуда
Мертвый твой мир настоящим не станет.
Жизни не видишь – не видишь и чуда.
Было бы сердце – оно не обманет!»

[Январь 1821 г.]

СВИТЕЗЬ

Баллада

Когда ты держишь в Новогрудок путь,
Плужинским проезжая бором,
Над озером дай коням отдохнуть,
Окинь его любовным взором.
Ты видишь Свитезь. Гладь воды ясна,
Как лед, недвижна и блестяща,
И вокруг нее, как черная стена,
Стоит таинственная чаща.
Когда в ночи проходишь той тропой,
Ты видишь небо в темных водах,
И звезды – под тобой и над тобой,
И две луны на синих сводах.
И не поймешь: вода ли в вышину
Уходит зеркалом бездонным
Иль опустилось небо в глубину
И там блестит зеркальным лоном.
Не знаешь, то вершина или дно
Во мраке берега пропали,
И кажется, с мирами заодно
Плывешь в неведомые дали.
Прозрачен воздух, ясен небосклон,
И тот обман отраден взору.
Но если ты не храбрецам рожден,
Не ездят тут в ночную пору.
Такого начудесит сатана,
Таких накрутит штук бесовских!
И вспомнить – страх! Всю ночь лежишь-без сна,
Послушав былей стариковских!
То, словно люди в страхе гомонят,
Из бездны шум идет великий,
Валит столбами дым., гремит набат,
Оружья звон и женщин крики.
Вдруг дым пропал, стихает гром и звон,
И только смутно шепчут ели,
И, словно над покойником псалом,
В пучине жалостно запели.
Что это значит? Кто ж ответ вам даст?
На дне ведь люди не бывали.
Болтают всякое – кто что горазд,
А правда есть ли в том? Едва ли.
Плужинский пан, тот самый пан, чей дед
И прадед Свитезью владели,

И сам все думал и держал совет:
Как разобраться в этом деле?
С заказом в город он послал людей,
Большие сделал там закупки,
И мастерам уж невод в сто локтей
И строят парусные шлюпки.
Тут я сказал: «Бог да поможет вам,
Ему усердно помолитесь».
Пан дал на мессу, в Цирин съездил сам,
И ксендз приехал с ним на Свитезь.
На берег вышел, свой надел орнат,
Все окропил и помолился.
Нам подал знак, гребцы взмахнули в лад
И с шумом невод погрузился.
Уходит вглубь, и поплавки за ним,
Как будто под водой и дна нет.
Канаты напряглись, мы все глядим;
Неужто ничего не тянет?
Но невод тяжело из воды идет,
Так тяжело, словно тащит глыбу.
Сказал бы, – да поверит ли народ,
Какую выловили рыбу.
Не рыбу, нет, – болтать не стану зря,
Из волн красавица явилась.
Уста – кораллы, щеки как заря.
Вода с кудрей льняных струилась.
На всех тут страх напал. Иной бежит,
Иной стоит белее мела.
Она под воду скрыться не спешит
И молвит ласково и смело:
«О юноши! То знает весь народ:
Никто в задоре безрассудном
Веслом не смел коснуться этих вод
Он потонул бы вместе с судном.
Ты, дерзкий, также и твои челны
Истлели б скоро под волнами,
Но здесь твой дед и прадед рождены,
И ты единой крови с нами.
Так знай, хоть любопытство – ваш порок,
Но вы призвали божье имя,
И быль об этом озере вам бог
Устами огласит моими.
Когда-то здесь, где тростники шуршат,
Где царь-травой покрыты мели,
Кипела жизнь, стоял обширный град,
Строенья крепкие белели.
Красавиц много было в граде том,
Мужей, искусных в деле бранном.
И Свитезью владел тот княжий дом,

Что славен доблестным Туганом.
Кругом леса в ту пору не росли,
Желтела на полях пшеница,
И Новогрудок виден был вдали
Литвы цветущая столица.
Но русский царь войной пошел на нас,
И осадил он град Мендога,
И обуяла в этот грозный час
Литву великая тревога.
С гонцом письмо литовский государь
Шлет моему отцу Тугану:
«Ты выручал наш стольный град и встарь,
Спеши, ударь по вражью стану!»
Туган прочел – и приказал скликать
Мужей для воинской потехи.
И собралось охочих тысяч пять,
При каждом – конь и все доспехи.
Труба гремит – и пыль столбом взвилась:
То скачет рать за князьим стягом.
Но вижу, вдруг остановился князь
И в замок воротился шагом.
Он говорит: «Могу ль губить своих,
Чтоб князю дать помощь в брани?
У Свитези ведь нет валков иных,
Как только крепость нашей длани.
Но если в битву мы не все пойдем
Друзьям не будет обороны.
А все пойдем – как защитить свой дом,
Где наши дочери и жены?»
И я в ответ: «Отец! Послушай дочь:
Ступай! Над нами власть господня.
Мне снилось, ангел огненный всю ночь
Летал над городом сегодня.
Мечом он Свитезь очертил твою,
Златыми осенил крылами
И мне сказал: «Пока отцы в бою,
Не бойтесь, чада, – я над вами».
И внял Туган, – за войском он спешит.
Но вот уже И ночь настала.
И вдруг раздался грохот, стук копыт,
И крик «ура», и звон металла.
Таранами по стенам замка бьют,
Стреляют ядрами по сводам.
И дети, старцы, женщины бегут
Весь двор заполнился народом.
Кричат: «Скорей ворота на запор!
Спасите! Русь валит за нами!
Пусть лучше смерть, но только не позор!
Убьем, убьем друг друга сами!»

И яростью сменяется их страх,
Приносят факелы, солому,
Сокровища сжигают на кострах,
Огнем грозят гнезду родному.
«Кто убежит – будь проклят!» Я – во двор.
Унять хочу их – не умею.
Благодарят поднявшего топор,
Торопятся подставить шею.
Но что преступней: жизнь и честь губя,
Отдаться под ярем кровавый
Иль душу погубить, убив себя?
И я вскричала: «Боже правый!
Ты видишь, нам не совладать с врагом,
К тебе взываем, погибая:
Пусть лучше нас убьет небесный гром,
Укроет мать-земля сырая!»
И белизна внезапно разлилась,
Закрыла мир, как покрывало.
Я опустила очи, изумясь...
И подо мной земли не стало.
Взгляни на луг прибрежный: это бог
Избавил слабых от расправы:
Он дев и жен безгрешных уберег,
Их обратил в цветы и травы.
Подобно белым бабочкам, цветы
Парят над спящею водою.
Напоминают свежестью листвы
Зеленую под снегом хвою.
Так белый цвет безгрешности своей
Они хранят в веках нетленным.
Не оскорбит их пришлый лиходея
Прикосновением презренным.
То был царю и всем врагам урок:
Победу празднуя над нами,
Иной из них хотел сплести венок,
Иной – украсить шлем цветами.
Но лишь к цветам притронулись они,
Свершилось чудо правой мести:
В недуге страшном скорчились одни,
Других застигла смерть на месте.
Хоть все уносит времени поток,
Но был народ не забывает:
Поет о чуде, и простой цветок
Он царь-травую называет».
Так молвит нам – и прочь плывет она.
И тонут сети, шлюпки тонут.
Летит на берег с грохотом волна,
Деревья в пуще дико стонут.
Как бездна, хлябь разверзлась перед ней,

Она исчезла в темном чреве,
И с той поры никто до наших дней
Не слышал о прекрасной деве.

[1820]

СВИТЕЗЯНКА

Баллада

Кто там мелькает в лунном сиянье,
Кто там идет, – отзовитесь!
Юноша с девой ходят в молчанье
Берегом озера Свитезь.
Он ей цветы в венок собирает
На луговинах зеленых.
Дева малиной его угощает,
Знать, это пара влюбленных.
Каждою ночью в травах болотных
Бродит чета молодая.
Юноша – это здешний охотник;
Кто эта дева – не знаю.
Как появилась, где и отколе
Вряд ли иной угадает.
Лютиком нежным явится в поле
И светлячком – пропадает.
«Тайну открой мне, дева, молю я,
Видимся мы не впервые,
Как ты попала в чащу лесную?
Где же твой дом, где родные?
Лето проходит, листья валятся,
Солнце нам светит все реже...
Вечно ли будем здесь мы встречаться,
Возле озерных прибрежий?
Что ты блуждаешь призраком сонным,
Серною легкой, лесною?
Лучше останься вместе с влюбленным,
Лучше останься со мною!
Малый мой домик близко отсюда,
В зарослях пышной лещины;
Вдоволь припасов я раздобуду,
Хватит плодов и дичины!»
«Стой, своевольный! – молвила дева.
Помню советы отцовы:
Как соловьи, щебечете все вы,
К лисьим уловкам готовы.
Мало я верю страстным молениям,
Хитрость предвижу мужскую:
Пусть снизойду к твоим увереньям,
Сдержишь ли клятву святую?»
Пав на колени, горсточку праха
Взял он, творит заклинанья:

Страшную клятву давши без страха,
Сдержит ли он обещанья?
«Помни, охотник, клятву сдержи ты:
Ибо кто клятву нарушит
Горе тому! Не сыщется защиты,
Тело погубит и душу!»
Кудри венком украсила дева
И, не прибавив ни слова,
Прочь удалилась, тихо, без гнева,
В сумрак приюта лесного.
Следом охотник мчится за нею;
Все-таки, как ни старался,
Скрылась, дыханья ветра нежнее,
Он одинокий остался.
Молча идет он дикой тропею,
В топях блуждает прибрежных;
Тихо повсюду, лишь под ногою
Изредка хрустнет валежник.
К озеру вышел неторопливо,
Ходит и смотрит безмолвно.
Ветер качает темные ивы,
Бурно вздымаются волны.
Бурно вскипели, глубь зачернела,
Силы небесные с нами!
Свитезь разверзся; девичье тело
Вдруг поднялось над волнами.
Щеки – нежнее розы румяной
В свете зари золотистой;
Перси, как легкой дымкой тумана,
Тканью одеты струистой.
«Юноша статный! Юноша милый!
Девы слышны увещанья.
Что ты здесь ищешь ночью, унылый,
В лунном блуждаешь сиянье?
Долго ли будешь бегать, вздыхая,
Ты за девчонкою шалой?
Только измучит юношу, злая
И надсмеется, пожалуй;
Верь мне, желаю только добра я.
Хватит стенаний печальных!
Мне лишь отдайся! Станем, играя,
В водах резвиться хрустальных;
Будешь над влагой озера зыбкой
Ласточкой быстрою мчаться
Или же рыбкой, резвою рыбкой
Вместе со мною плескаться;
Ночью ж, в прозрачной этой купели,
Где только звезд отраженья,
Будешь меж лилий, в мягкой постели,

Дивные видеть виденья!»
Тут распахнулись тонкие ткани,
Перси манят белизною;
Дева подходит легче дыханья:
«Юноша! – кличет, – за мною!»
Волн чуть касаясь стройной стопою,
Радугой в озеро канув,
Брызги рассыпав дерзкой рукою,
Мчится она средь туманов.
Юноша следом, стал у обрыва,
Хочет идти – отступает;
А голубые волны лениво
Юноши ноги ласкают.
Нежно ласкают, вглубь увлекают;
Сердце так сладко томится,
Словно стыдливо руку сжи-мает
Милому другу девица.
Вмиг позабыл он деву лесную,
Клятву забыл, ослепленный;
Кинулся в волны, буйно ликуя,
Новой красой увлеченный.
Дальше и дальше, страстью влекомый;
Волны безумца уносят.
Вот уж чуть виден берег знакомый.
Вот уж охотник на плесе.
Белые руки стиснул руками,
Взорами тонет во взоре,
Жаждет к устам прижаться устами
Вольно ему на просторе!
Ветер повеял, мгла расступилась,
Новое диво являя.
Смотрит охотник – что приключилось?
Ах, это дева лесная!
«Где ж твои клятвы? Где уверенья?
Помнишь: кто клятву нарушит,
Горе тому! Не сыщется спасенья,
Тело погубит и душу!
Нет, не тебе, знать, доля сулила
Водной владеть глубиною.
Тело сырая скроет могила,
Очи засыплет землею.
А твою душу адское пламя
Будет терзать без пощады:
Будешь томиться здесь, под ветвями,
Не ощущая прохлады»
Слышит охотник, смотрит тоскливо,
Вдруг содрогнулся безмолвно;
Ветер качает дальние ивы,
Бурно вздымаются волны.

Разом вскипели волны, бушуя,
Полные ярого гнева:
В черную бездну, в глубь водяную
Скрылись охотник и дева...
Волны доныне мечутся в пене,
А среди топей болотных
Видно: мелькают бледные тени
Дева и юный охотник.
В озере дева пляшет беспечно,
Юноша смотрит, стеная
Кто он? – Известен нам он, конечно.
Кто эта дева? – Не знаю.

[12 августа 1821 г.]

Существует поверье, что на берегах Свитези появляются ундроны, или нимфы, которых в народе называют свитезянками.

(Из народной песни)

Село покинув родное,
Бежит девица с пригорка;
Распались косы волною,
Рыдает горько-прегорько.
Сбежала на луговину,
Где речка льется неспешно,
И, руки белые вскинув,
Зовет она безутешно:
«Красавицы водяные,
Любезные свитезянки!
Узнайте, сестры родные,
О горе бедной селянки!
Я верно любила пана,
И пан твердил мне, что любит,
Теперь икая желанна,
Он Кшисю бедную губит.
Живи же, пеблагодарный,
С своею знатной женою,
Но только не смей, коварный,
Глумиться здесь надо мною!
Ох, как несносно томиться
Обманутой, нелюбимой!
Меня примите, сестрицы;
Но сын мой... сын мой родимый!..»
Так молвив, вновь зарыдала,
Ломает руки в кручине,
И в омут с берега пала,
И скрылась в водной пучине.
А там, за лесом, огнями

Сверкает ярко усадьба;
Там пан пирует с гостями,
Идет веселая свадьба.
Вдруг, музыку заглушая,
Дитя заплакало тонко;
Старик, к груди прижимая,
Несет из чащи ребенка.
К реке идет торопливо,
Туда, где тесной гурьбою
Стоят зеленые ивы,
Сплетясь шатром над рекою.
И став под сенью ветвистой,
И плачет, и призывает:
«Ах, Кшисья, мне отзовись ты!
Кто дитяtko приласкает?»
«В реке лежит мое тело,
Чуть слышен отклик средь ночи,
От стужи вся онемела,
Песком засыпало очи;
Меня по острым камням
Несут жестокие волны;
Питаюсь горьким кореньем,
Росой уста мои полны».
Но старый в сени ветвистой
По-прежнему призывает:
«Ах, Кшисья, мне отзовись ты!
Кто дитяtko приласкает?»
И что-то вдруг шевельнулось
В воде – легонько, не шибко;
Волна о берег плеснулась,
И кверху выплыла рыбка.
Собой совсем невеличка,
Скользит по отмели белой,
Так выскользает плотичка
Из-под руки неумелой.
Спина в сверкающих блестках.
Бока – багряной окраски,
Головка точно наперсток,
Как бисер – быстрые глазки.
И вдруг чешуйки раскрылись,
Девичий облик являя,
И косы вновь распустились,
И грудь видна молодая.
На щечках – алые розы...
Камыш раздвинув руками,
Туда, где клонятся лозы,
Плывет, взмахнув плавниками.
И, на руки взяв ребенка,
К груди прижала родимой

И вдруг запела так звонко:
«Люли-люли, мой любимый!..
Затих ребенок, довольный;
На сук повесила зыбку
И вновь кидается в волны
И превращается в рыбку.
Оделась вновь чешуею,
Совсем как было вначале;
Плеснула – и над водою,
Кипя, круги побежали...
И к ночи и спозаранку,
Лишь старый сойдет в долину,
Являлась свитезянка,
Кормила милого сына.
Но раз, в урочную пору,
Никто к реке не явился.
Уже и сумерки скоро
Нет старого!
Где ж он скрылся?
Не мог он тропкой лесною
К тому пройти закоулку:
Сам пан с своею женою
Пошел туда на прогулку.
Сидит старик под ветвями
И ждет; ему непонятно:
Часы бегут за часами,
Не видно пана обратно!
Ладонью глаз прикрывая
И шурясь, смотрит он зорко:
Жара свалила дневная,
Горит вечерняя зорька.
И лишь когда потемнело
И звезды вышли ночные,
Старик подкрался несмело,
Глядит в просторы речные.
О господи! Что за чудо?
Все дивно переменилось:
Песчаные рвы повсюду,
Где прежде речка струилась.
Лишь клочья одежды рваной
Валяются где попало.
Ни пани нету, ни пана
Как будто и не бывало!
А там, где речка бежала,
Большая глыба чернела
И странно напоминала
Два человеческих тела.
Застыл старик в изумленье,
Не может вымолвить слова;

Искал в уме объясненья
И не нашел никакого!
Позвал он: «Кшисья, эй, Кшисья!»
Лишь эхо вторит ответно;
Но ни в долине, ни в выси
Живой души не приметно.
Взглянул на ров, на каменья,
Пот вытер бледной рукою
И, словно бы в подтвержденье,
Кивнул седой головою.
Взял на руки он малютку,
Творя молитву невнятно,
И вдруг, ослабившись жутко,
Заторопился обратно.

[1820]

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТЦА

Баллада

«Детки мои, собирайтесь проворней,
К кресту на холмик идите,
Там пред иконой святой, чудотворной
С мольбой горячей падите!
Должен отец ваш вернуться к нам скоро,
Я жду в слезах и тревоге;
Реки в разливе, зверье среди бора,
Разбой – на каждой дороге».
Мать так сказала, и дети проворно
К кресту на холмик взбегают,
Там пред иконой святой, чудотворной
Молиться вслух начинают.
Землю целуют, молитву читая
Все вместе, громко, усердно:
Да славится троица пресвятая,
Да будет к нам милосердна!
«Отче наш», «Верую», всё по порядку,
Как нужно, они прочитали,
Далее книжку, молитвенник краткий,
Из сумки дети достали.
Старший из них начал петь литанию,
Все с плачем молились, вторя:
«Нашего папу, о дева Мария,
Спаси от лютого горя!»
Тут вдруг послышался грохот обоза.
Навстречу телеге знакомой
Кинулись дети, забыли про слезы:
«То папа наш едет к дому!»
Спрыгнул с повозки купец, их заметя,
Целует поочередно:
«Как без меня поживали вы, дети?
Меня вы ждали сегодня?
Что у вас дома? Как мама? Здорова?
А я привез вам изюма...»
Каждый торопится вымолвить слово,
Так много смеха и шума!
Слугам купец закричал: «Погоняй-ка!
Домой скорей бы добраться!»
Едут... вдруг вышла разбойничья шайка,
Злодеев – счетом двенадцать.
Густо они заросли волосами,
Весь облик страшен звериный:

Острые сабли за поясами,
В руках – ножи и дубины.
Дети кричат, подбежали в испуге
К отцу, укрылись полою;
Струсили слуги; дрожащие руки
Купец подъемлет с мольбою:
«Ах, все берите! Детей-малолеток
Лишь не губите напрасно!
Не оставляйте сиротками деток,
Жену – вдовою несчастной!»
Шайка не внемлет, – один выпрягает
Коней, а рядом злодеи
«Денег!» – вопят, кистенем угрожают.
Застыли слуги, немея.
«Стойте!» – вдруг крикнул вожак, и вся шайка
Сошла поспешно с дороги.
Молвил купцу атаман: «Поезжай-ка
С детьми домой без тревоги!»
Благодарить стал купец, а разбойник
Сказал: «Кистень молодецкий
Бьет без пощады, ты был бы покойник,
Спасен ты молитвой детской.
Я ни при чем тут, всё сделали дети,
Тебе оказана милость!
Лишь ради них еще жив ты на свете.
Скажу, как это случилось.
Слышали мы о твоём здесь проезде,
И, вдаль на дорогу глядя,
Нынче с друзьями надежными вместе
В лесу залег я в засаде.
Тут и услышал я, как прозвучала
Молитва детская богу.
Вздорной она мне казалась сначала,
Потом внушила тревогу.
Вспомнил я дом свой, о прошлом тоскуя,
И сердце горестно сжалось...
Вспомнил сыночка, жену молодую
И вдруг почувствовал жалость.
В город – твой путь, мой же – в лес, где
поглуше;
Вы, дети, крест навешайте
И за мою многогрешную душу
Порой молитву читайте!»

[Февраль 1821 г.]

МОГИЛА МАРЫЛИ

Романс на тему литовской песни

Чужой человек, девушка,
Ясь, мать, подружка.
Чужой человек
Там, где Неман разветвленный
Омывает луг зеленый,
Что за славный бугорочек?
У подножья, как веночек,
Розы, бузина, малина,
А бока одеты в травы,
И белым-бела вершина
От черемухи в расцвете.
С бугорка ведет дорога
Прямо к хате, до порога,
И бежит другая вправо,
И уводит влево третья.
По реке баркас мой мчится.
Ты скажи-ка мне, девица,
Что это за бугорочек?
Девушка
А спроси в деревне, братец,
Все там скажут, что Марыля
Обитала в этой хате,
Опочила в той могиле.
Вот они, дорожки-стежки:
Тут проходит мать-старушка,
Пастушок – по той дорожке,
А по этой вот – подружка.
Как сейчас блеснет денечек
Все взойдут на бугорочек.
Выдь на берег, встань за хворост
С головой тебя он спрячет,
Сам увидишь, как им лихо,
Что за слезы, что за горесть.
Вот идет ее милочек,
Мать идет, скорбя о дочке,
И подружка – тихо-тихо,
И несут цветочки,
Плачут!
Я сь
Марыля! Блещет зорька,
А мы не повстречались
Й не поцеловались.

Марыля! Плачу горько
Я, бедный твой дружок.
Неужто весь денечек
Проспать ты хочешь? Или
Ты сердишься, Марыля?
Ах, где ж ты запропала?
Нет-, ты не заспалася,
Не сердишься на Яся
В живых тебя не стало,
Ушла под бугорочек.
Вернуться не удастся!
Тоскует твой дружок!
Коль засыпал я прежде – одни мечты
манили:
Проснусь я утром рано, да и пойду к
Марыле.
И сны мне сладки были.
Ах, здесь, от всех далекий, засну я,
одиноким.
Авось тебя увижу, когда сомкну я веки,
Быть может, и навеки.
Счастлив я был, трудился,
Соседи уважали,
Старик отец гордился.
Теперь отец – в печали.
Ни людям я, ни богу,
Зачем мне урожай?
Да пусть в полях – ни стогу,
Да пусть бы волчьи стаи
Весь скот передавили!
Нет, нет моей Марыли!
Сулил отец мне хату,
Да с утварью богатой:
Пора хозяйку взять бы!
Уж приходили сваты...
Но нет моей Марыли!
Нет, не уговорили!
Жениться силы нету.
Отец мой, вместо свадьбы
Пойду по белу свету.
Сбегу я, прочь уеду
Да так скрываться стану,
Что не найдете следу.
Я к москалям пристану,
Чтоб сразу бы убили.
Нет, нет моей Марыли!
Мать
Ах, снова проспала я!
Уж в поле добры люди.

Нет, нет тебя, родная,
И кто ж меня разбудит?
Всю ночь я прорыдала,
Заснула – рассветало.
Мой Шимон, видно, в поле
Ушел еще до света;
Не разбудил, моей не тронул боли,
Не ел с утра, голодный косит где-то.
Коси, покуда в силе.
Я лягу на могиле.
Зачем домой стремиться?
Ей там не домовничать
К обеду не покличет!
Ах, с кем за стол садиться?
Пока у нас была ты,
Был рай под кровлей хаты
У нас и вечеринки,
И пареньки и девки;
Веселые зажинки
И шумные досевки.
Теперь наш дом – пустыня,
Его обходят ныне.
Петли ржавеют, зелен
Мох лезет из расщелин.
Господь и люди нас забыли.
Нет, нет моей Марыли!
Подружка
Бывало, мы встречались
Вот здесь, на бережочке,
И о моем шептались
И о твоём дружочке.
Шептались-говорили!
Нет, нет моей Марыли!
Чью выслушаю повесть?
С кем толковать на совесть?
Коль радостью и горем
С тобой нам не делиться
Мы горя не разгоним
И радости не сбыться!
Чужой человек
Это слыша, прослезился
Человек чужой проезжий,
И вздохнул, и в путь пустился
Он от этих побережий.

[Ноябрь 1820 г.]

ДРУЗЬЯМ

При посылке им баллады «Люблю я!»
Бьет раз, два, три... удар за ударом.
Уж полночь. Все глухо во мраке,
Лишь ветер шумит по развалинам старым
Да воют уныло собаки.
Почти до конца догоревший огарок
Мерцает в подсвечнике медном,
На миг огонек раздувается, ярок,
И меркнет миганием бледным.
Мне страшно! И ночь не приносит покоя
И ласки, как было когда-то:
В мечтах вспоминается время другое!
Прочь!., сгинуло все без возврата.
Забвенья ищу я, уткнувшись в страницы,
Иль, книгу отбросив, мечтаю
И вижу любимые, милые лица;
Очнусь вдруг и снова читаю.
А то вдруг почудится мне на мгновенье
Любимая входит иль братья;
Вскочу и стою перед собственной тенью,
Ко мне протянувшей объятья.
Нет, лучше, пока еще светится пламя,
Стихами, запевшими звонче,
Беседовать буду с моими друзьями,
Начну, но, наверно, не кончу.
Быть может, согрею весенним порывом
Стих зимний, полночный, унылый;
Хочу написать что-нибудь о любви вам,
Об ужасах и о Марыле.
Кто кистью прославить решил свое имя
Пусть пишет с Марыли портреты,
Пусть имя Марыли стихами своими
Навек обессмертят поэты.
Хотя сознаю я все это прекрасно,
Но я ведь пишу не для славы;
Отом расскажу вам, что в вечер ненастный
Марыле читал для забавы.
Марыля любовь отмеряла так скупой,
Была равнодушна ко вздохам;
Ни разу не скажут «люблю» ее губы
На сто раз ей сказанных «кбхам».
За это вот в Руте, как полночь звонили
И тени бродили по саду,
Не раз перед сном на прощанье Марыле
Читал я вот эту балладу.

27 января [1819 г], Ковно

ЛЮБЛЮ Я!

Баллада

Ты видишь, Марыля, у края опушки
Направо, там заросль густая,
Налево долина, где вьется речушка,
Горбатится мост, нависая.
Вон старая церковь и сруб колокольни,
Там ухает филин уныло,
Малинник густой там разросся привольно,
В малиннике ж этом – могилы.
Душа ль там закаята, бес ли в безлюдье,
Но в полночь по этой дороге,
Наскільки запомнили старые люди,
Никто не пройдет без тревоги!
И чуть только полночь покров свой набросит,
Вдруг храм открывается с треском
И ветер трезвон похоронный разносит,
Кусты озаряются блеском.
Вдруг вспыхнет, как молния, бледное пламя,
И громы подземные грянут,
Могилы в кустах зашевелият горбами,
И призраки страшные встанут.
То труп по дороге ползет безголовый,
А то голова, но без тела,
Ощеривши рот искривленный, лиловый,
Таращит глаза остеклело.
То волк-нотопырь свои крылья раскинет,
А кто отогнать его хочет,
Скажи только: «Сгинь, пропади!» – и он сгинет,
Но дьявольски вдруг захохочет.
И каждый, кто ездит, со злобой покинет
Проклятую эту дорогу:
Тот дышло ломает, тот воз опрокинет,
Иль конь его вывихнет ногу.
Не раз я с Анджеем беседовал старым
Про это закаятое место:
Смеясь над чертями, не верил я чарам,
Там ездил всегда без объезда.
Однажды, когда ехал ночью я в Руту,
На самом мосту, там, у кручи,
В упряжке вдруг вздыбились лошади круто.
«Гей!» – крикнул, стегая их, кучер.
И кони, рванувшись из всей своей мочи,
Сломали оглоблю тугую.

«Остаться здесь в поле, к тому же средь ночи,
Сказал я, – вот это люблю я!»
И только промолвил, как призрак девицы
Вдруг выплыл из вод серебристых:
Вся в белой одежде, как снег, белолица,
В венке из мерцаний лучистых.
И замерло сердце, застынуть готово,
От ужаса вздыбился волос.
Кричу: «Да прославится имя Христово!»
«Во веки веков!» – слышу голос.
«Кто б ни был ты, путник, будь счастьем отмечен,
Меня ты избавил от муки.
В довольстве, в покое живи, долговечен,
Пусть чтут тебя дети и внуки!
Ты видишь здесь образ души моей грешной,
Теперь уж ее не сгублю я:
Меня от чистилища – ночи кромешной
Избавил ты словом: люблю я!
Пока еще звезд не померкло сиянье,
Еще петухи не пропели,
Тебе расскажу, – и другим в назиданье
О грешном поведай ты деле!
Когда-то беспечно жила я на свете,
Марылей звалась я когда-то;
Отец мой был первый чиновник в повете,
Всесильный, вельможный, богатый.
При жизни он справить хотел мою свадьбу:
К богатой, красивой невесте
Поклонников много съезжалось в усадьбу,
И я привыкала к их лести.
Вниманием их я надменно кичилась.
Толпа их под музыку бала
За мною, как шлейф по пятам, волочилась,
Но всеми я пренебрегала.
Приехал и Юзек; двадцатое лето
Встречал он, правдивый и скромный,
Не требовал он на признанья ответа
Вздыхал лишь, застенчивый, томный.
Напрасно вздыхал он и таял всечасно:
Влекло меня к странным утехам,
Меня забавлял лишь страдалец несчастный,
Ему отвечала я смехом.
«Уйду!» – говорил он. «Ступай себе с богом!»
Ушел он со вздохом влюбленным;
Погиб от любви, – на побережье отлогом
Лежит он под кровом зеленым.
С тех пор стала жизнь для Марыли постылой,
Раскаялась я, только поздно;
Того, кто навеки взят темной могилой,

Вернуть ли мольбою мне слезной!
Однажды, когда забавлялась я дома,
Раздался вдруг грохот ужасный
И Юзек явился, средь свиста и грома,
Как признак пылающий, красный.
Схватил и унес и в удушливом дыме
В чистилище бросил, в потоки.
Средь скрежета, стонов, словами такими
Он вынес мне суд свой жестокий:
«Ты знала, что бог сотворил из мужчины
Жену как венец мироздания.
Чтоб в жизни тяжелой смягчала кручину,
Для радости, не для страдания.
А сердце твое из куска ледяного,
Никто, преклонясь пред тобою,
Не выпросил с губ твоих нежного слова
Признаньем, слезами, мольбою.
В чистилище долгие годы за это,
Терзать тебя будут здесь, злую,
Покуда мужчина живой с того света
Тебе не промолвит: люблю я!
То слово вымаливал Юзек твой бедный,
Лил горькие слезы, несчастный;
Пусть молит о том же и призрак твой бледный,
Терзаемый мукой ужасной!»
Сказал, и схватили меня злые духи
И вот – уже скоро год сотый
Днем мучат, а ночью скитаюсь я глухо
По зарослям топким болота;
Близ церкви у Юзя сижу на могиле,
И долу и выси чужая,
Пугаю прохожих, чтоб ночью спешили,
Подальше тот мост объезжая.
Болотом веду или темною чащей
Иль порчей коня погублю я;
И каждый клянет меня руганью мстящей,
Ты первый сказал мне: люблю я!
За это с грядущего занавес мрака
Сниму я, как тучу ненастья:
Ты встретишь Марылю, полюбишь, однако...»
Запел тут петух на несчастье.
Кивнула мне радостно, словно воскресла,
И, облачком утренним тая,
Она на глазах моих тихо исчезла
Над речкой, как мгла золотая.
Смотрю: воз исправен, стоит, где посуше,
Пропали все страхи ночные;
Прошу всех: три раза за грешную душу
Прочеть «Пресвятая Мария».

[1819]

ПАНИ ТВАРДОВСКАЯ

Баллада

Кусят люльки, пьют, хохочут,
Дым столбом, корчма вверх дном,
Свищут в пляске и топочут – Стены ходят ходуном.
Сам Твардовский в этом хоре
Восседает, как паша,
По колено пану море:
«Гей, душа! Гуляй, душа!»
Видит пан вояку-хвата,
Что бахвалиться привык,
Свистнул саблей – нет солдата,
Зайцем стал он в тот же миг.
Пан судье из трибунала
Сунул золото под нос,
Лишь раздался звон металла,
Нет судьи – пред вами пес.
Пан сапожника-пьянчужку
Щелкнул по носу – и вот
Изо лба бедняги в кружку
Водка гданьская течет.
Пан хлебнул, но что за чудо!
Кто там возится на дне?..
Черт?.. «Здорово, кум! Откуда?
С чем пожаловал ко мне?»
В кружке чертик из прожженных,
Истый немец с ноготок,
Изогнулся весь в поклонах,
Шляпу снял и на пол – скок.
И мгновенно на два локтя
На глазах у всех подрос.
Ну и облик! – птичьи когти
И крючком изогнут нос.
«А, Твардовский?! Встретить братца
Мне приятно, дорогой!
Что? Со мной не хочешь знаться?
Мефистофель пред тобой!
Договором нас связала
В полночь Лысая гора.
Дней с тех пор прошло немало,
Рассчитаться б нам пора!
Клялся ты на коже бычьей,
Что спустя два года сам
В Рим придешь свершить обычай,

То есть выдашь душу нам.
Ад служил тебе исправно,
Не жалел ни чар, ни сил,
Семь годков ты пожил славно,
Но о Риме позабыл.
Шел ты в сеть путем незримым,
Не страшился здешних мест,
Глянь, корчма зовется «Римом»,
Так что, пане, под арест!»
Не предвидел пан такого.
Марш – к дверям. Но бес лукав:
«Стой! А как же честь и слово?»
Уцепился за рукав.
Как тут быть? Близка могила,
Знать, придется в пекло лезть...
Но внезапно осенило,
Пан подумал: выход есть!
«Верно, черт! Себе на горе
Я пошел на сделку, но...
Погляди-ка, в договоре
Есть условие одно:
Перед смертью три задачи
Дать могу. И кончим спор!
Все исполни, а иначе
Расторгаем договор.
Видишь вывеску у входа
С намалеванным конем?
Дело вот какого рода:
Я скакать хочу на нем.
Чтобы лошадь гарцевала,
Плеть сплети мне из песка.
Да построй мне для привала
Дом у ближне. го леска.
Из орехов сбей просторный,
Высотой с Карпаты, дом,
Вместо крыши мака зерна
Уложи на доме том.
Зерен требуется уйма,
Не сочтешь – в глазах черно;
Тыг ж забей гвоздей в три дюйма
По три в каждое зерно!»
Свистнул бес, и все готово:
Свита плетка из песка,
Конь оседлан, бьет подковой,
Дом построен у леска.
На коня вскочил Твардовский,
Конь под ним, храпя, взвился,
Взял в галоп скакун бесовский,
Пана по полю неся.

«Наша бита, пане дьявол,
Но еще не все, постой,
Ты, дружок, в тазу не плавал
Со свяченою водой».
Тварь нечистая не рада,
Весь в поту холодном бес,
Но приказ исполнить надо,
Крякнул он и в таз полез.
«Ну и баня! Вот так страсти!
Черт взвился, как из пращи,
Уж теперь ты в нашей власти,
Едем в пекло – не взыщи!»
«Нет! Еще одно осталось!
Тут спасует сатана!
Погоди, нечистый, малость,
Вон идет моя жена!
Груз твоих бесовских тягот
Я бы мог в аду принять,
Если б ты Твардовской на год
Взялся мужа заменять.
Обещай ей послушанье,
Угождать ей дай обет.
Если ж ты рассердишь пани,
Весь наш договор – на нет».
Только черт уже не слышит,
Все косится на порог,
От испуга еле дышит,
Задрожал и – наутек.
Пан за ним к дверям метнулся,
Хвать его, но прыткий бес
Изловчился, извернулся,
Юркнул в шелку и исчез:

[Первая половина 1820 г.]

ЛИЛИИ

Баллада

Беда стряслась неожиданно
Убила пани пана,
В лесной зарыла чаще
Над речкою журчащей,
Сажала клубни лилий
И пела на могиле:
«Растите так высоко,
Как пан зарыт глубоко,
Как он зарыт глубоко,
Так вам расти высоко».
Вся в брызгах крови алой
Мужеубийца встала,
Бежит, по рощам рыщет,
По склонам и по долам.
Стемнело. Ветер свищет
Во мраке невеселом.
Прокаркал ворон в ухо,
Заухал филин глухо.
Избушка на поляне,
Ручей и старый бук.
К избешке мчится пани,
Стучится в дверь – тук-тук!
«Кто там?» – И на пороге
Отшельник с ночником.
Она, крича в тревоге,
Как дух, ворвалась в дом.
Лицо бело, как иней,
Безумный взор горит,
Рот искривился синий,
Хохочет: «Муж! Убит!»
«Постой. Господь с тобою.
Что бродишь дотемна
Ненастною порою
В глухом лесу одна?»
«Мой замок за кудрявым
Леском, у синих вод.
На Киев с Болеславом
Ушел мой муж в поход.
И нет о нем ни слова.
Проходит год, года.
Стезя добра сурова,
А я ведь молода.

Был грех – пришла тревога:
Что станется со мной?
Король карает строго.
Ах, едет муж домой!
Узнает муж немного!
Вот кровь! гляди! вот нож!
А мужа нет... Ну что ж,
Старик, я все сказала.
Сними же грех с души,
Тоску души усталой
Молитвой заглуши.
Приму я муки ада,
На казнь пойду за грех,
Одно мне только надо
Позор мой скрыть от всех».
Ответил схимник старый:
«Тебя не совесть жжет,
Страшишься только кары?
Не бойся – все сойдет,
Будь весела, беспечна,
Жить этой тайне вечно,
Так, зная, судил нам бог,
Смолчишь – и все в секрете.
Муж рассказать бы мог,
Да нет его на свете».
Обрадовалась пани,
За дверь – и на поляне,
Домой во мраке ночи
Помчалась что есть мочи.
Навстречу дети: «Мама!
Твердят они упрямо,
Послушай, где отец?»
«Мертвец? Где? Ах, отец?
И молвит наконец:
Отец ваш там у бора.
Домой придет он скоро».
Прождали вечер дети,
Ждут и второй, и третий,
Неделю погрузили
И наконец забыли.
Но пани не забыла,
Все время в мыслях грех
И комом в горле смех,
А сердцу все постыло.
Все ночи до утра
Ей не сомкнуть ресницы:
Кто там к дверям светлицы
Приходит со двора?
И слышно на рассвете:

«Я здесь! Я с вами, дети».
Вновь утро. Вновь уныло
И снова в мыслях грех,
И комом в горле смех,
А сердцу все постыло.
«Что это? Стук копыт?
Эй, Ганка, – за ворота!
Я слышу, мост гудит.
Неужто едет кто-то?
Взгляни, кто скачет там?
Быть может, гости к нам?»
«Да, вижу их на склоне,
Хотя в тумане даль,
Ржут вороные кони,
Сверкает сабель сталь.
Да, едут! Как неожиданно!
Ах, это братья пана?»
«Привет! Мы снова вместе!
Встречай нас честь по чести!
Где брат наш?» – «Брата нет.
Покинул этот свет».
«Давно ли?» – «Год уж минул,
Как он в сражение сгинул».
«Не верь! Все это бред!
Войны в помине нет.
Он жив, забудь же горе,
Увидишь мужа вскоре».
Как пани побледнела,
На миг обмякло тело,
В глазах застыл испуг,
Смятение и тревога.
«Где мертвый?.. Где супруг?»
Пришла в себя немного;
Приняв пристойный вид,
Она гостям твердит:
«Где муж мой? где мой милый?
Так жду – нет больше силы!»
«Он с нами был вначале,
Но поспешил тотчас
Твои унять печали,
Достойно встретить нас.
Он будет завтра дома.
Пошел кружным путем,
Дорогой незнакомой.
Немного подождем,
На поиски пошлем.
Он будет завтра дома».
Послали челядь в лес,
Все тщетно – брат исчез.

День ждали, не дождались,
В слезах домой собрались.
Но пани у порога:
«Родные, хоть немного
Прошу вас обождать.
В дороге что за счастье
Осеннее ненастье?
Глядите – дождь опять».
Ждут, ждут – не видно брата,
Промчалась без возврата
Зима. Все ждут и ждут:
Придет весной, быть может?
А брата черви гложут,
Цветы над ним растут,
Так выросли высоко,
Как он лежит глубоко.
Ждут братья, и домой
Не тянет их весной.
Хозяйство тут завидно,
Хбзяйка миловидна.
Пора бы в путь собратсья,
Нет, ждут, как прежде, братца,
Прошла весна, и к лету
О нем помина нету.
Хозяйство тут завидно,
Хозяйка миловидна,
Вдвоем тут загостились,
Вдвоем в нее влюбились.
Надежды не помогут,
Сомнений не избыть,
Вдвоем с ней жить не могут,
А без нее – не жить!
Чтоб все решить по чести,
Идут к невестке вместе.
«Хотим промолвить слово,
Не будь же к нам сурова.
Уже почти что год
Мы брата ждем напрасно,
Ты молода, прекрасна,
Но молодость пройдет,
Пусть нелегка утрата,
Возьми за брата – брата».
Они умолкли оба,
Их стала ревность жечь,
В глазах сверкнула злоба,
Бессвязной стала речь,
В сердцах вражда до гроба,
Рука сжимает меч.
Невестка, видя это,

Не в силах дать ответа
И просит обождать.
Она бежит опять
Туда, где на поляне
Ручей и старый бук.
К избушке мчится пани,
Стучится в дверь – тук-тук!
И старику с начала
Всю правду рассказала.
«Как быть, скажи, отец?
Объяла братьев злоба:
Они милы мне оба;
Так с кем же – под венец?
Есть дети, есть достаток,
Есть деревень с десятков,
Хотя живется хуже,
Чем я жила при муже.
Мне счастья бог не судит,
Замужества не будет.
Как мне уйти от кары?
Чуть ночь – опять кошмары:
Едва сомкну ресницы,
Трах! – настезь дверь светлицы,
Вскочу – и ухо слышит,
Как он идет, как дышит,
Мне слышен шаг, отец,
Я вижу – он... мертвец!
Склонился к изголовью
С ножом, залитым кровью,
Из пасти искры сыплет,
Меня терзает, щиплет.
Ах, что это за страх!
Не жить мне в тех стенах,
Мне счастья бог не судит,
Замужества не будет!»
Сказал ей схимник старый:
«Злодейства нет без кары,
Но, слыша покаянье,
Смягчает бог страданье.
Такое знаю слово
Чудотворящий знак:
Захочешь – муж твой снова
Вернется в мир. Ну, как?»
«Воскреснет? Боже правый!
Нет! только не сейчас!
Навеки нож кровавый
Разъединяет нас.
Пусть я достойна кары,
Снесу любые кары,

Но только б не кошмары.
Все брошу – дом, веселье
И в монастырской келье
От всех укроюсь глаз.
Но это!.. Боже правый!
Нет, только не сейчас!
Навеки нож кровавый
Разъединяет нас!»
Вздохнул старик в печали,
Лишь слезы замерцали,
И заслонил старик
Ладонью скорбный лик.
«Ступай, венчайся в храме.
Мертвец навеки в яме.
Себя ты не тревожь,
Он канул в мрак унылый,
Не выйдет из могилы,
Пока не позовешь».
«Но как мне быть, отец?
Но с кем же – под венец?»
«Вернейшая дорога
Отдаться воле бога.
Чуть свет, с росой ранней,
Пусть братья на поляне
Цветов нарвут и вместе
Сплетут венки невесте,
На них оставят метку
Тесемку или ветку,
Пусть в алтаре положат,
И тут господь поможет:
Чей ты венок возьмешь,
С тем под венец пойдешь».
Обрадовалась пани:
Скорее – под венец!
Не страшен ей мертвец,
Все решено заранее:
Во сне ли, наяву
Его не призову!
Повеселела пани,
За дверь – и на поляне,
Домой во мраке ночи
Помчалась что есть мочи.
Мелькает лес, поляны,
Захватывает дух,
И ловит чуткий слух
Какой-то шепот странный.
Кто это там, незванный?
Ночная шепчет глушь:
«Я муж твой! Слышишь? Муж!»

Чу! Снова шепот странный.
Бегом! Все как во сне,
Мурашки по спине,
Как страшен мрак бездонный.
Кто это? В чаще стоны.
И снова шепчет глушь:
«Я муж твой! Слышишь? Муж!»
Час близится. В усадьбе
Приготовленья к свадьбе,
Во двор выходят братья,
Невеста в белом платье
Стоит среди подруг
И в их толпе веселой
Идет под свод костела,
Берет венок. Застыли
В молчанье все вокруг.
Венок сплетен из лилий!
«Не ты ли сплел? Не ты ли?
Кто? Кто же мой супруг?»
Выходит старший брат,
Смеется, пляшет, рад,
Пылают щеки маком.
«Он мой, венок! Он мой!
Моей сплетен рукой,
Моим отмечен знаком
Приметною тесьмой!
Он мой, он мой, он мой!»
«Ложь! – закричал второй.
Пойдемте все из храма
К могиле над рекой,
Туда пойдемте прямо,
Где собственной рукой
Цветы сорвал я в чаще
Над речкою журчащей.
Он мой, он мой, он мой!»
В неукротимой страсти
Так братья горячи!
Схватились за мечи
И рвут венок на части.
Жестокий вспыхнул бой.
«Он мой, он мой, он мой!»
Дверь настезь. Вмиг погасло
Во всех лампадах масло,
И, в саване до пят,
Знакомая фигура
Возникла – все дрожат,
Возникла – смотрит хмуро.
И – – – голос гробовой:
«Венок не ваш, а мой!

Цветы – с моей могилы,
Меня венчай, прелат!
Жена! Я здесь – твой милый,
Твой муж! А вам я – брат!
Спасетесь вы едва ли:
Мои цветы вы рвали.
Я здесь. Я муж и брат.
Вас обуяла злоба.
Я к вам пришел из гроба,
Теперь идемте в ад!»
Постройка задрожала,
Обрушился портал,
Разверзлась глубь провала,
И рухнул храм в провал.
Над ним, как на могиле,
Белеют чаши лилий
И так растут высоко,
Как пан лежит глубоко.

[Май 1820 г.]

ДУДАРЬ

Романс (На тему народной песни)

Кто этот старец сереброгривый,
Куда голубчик плетется,
Его под ручки ведут два хлопца,
Ведут мимо нашей нивы.
Запел, за лиру свою берется,
Дуть в дудочки хлопцы ладят.
Окликну старца, пускай вернется,
Под тем пригорком присядет.
«К нам на досевки пожалуй, старец,
Да с нами повеселись-ка!
Попей, искушай! Деревня близко
Переночуешь, скиталец!»
Внял, поклонился, уселся старец,
С ним рядом хлопцы садятся
На наши игры полюбоваться,
На деревенский наш танец.
Звучат свистульки и погремушки,
Валежник в кострах пылает;
Девицы скачут, поют старушки,
Досевки они справляют.
Но смолкли дудки и погремушки,
И возле костров нет люда
Бегут девицы, спешат старушки
Туда, где присел дед-дударь.
«Ах, как мы рады! Дед-дударь, здравствуй!
В веселый ты час явился!
Идешь, наверно, из дальних странствий?
Озяб ты и утомился!»
К огню подводят, к столу из дерна
Сажают, на первом месте;
Подносят меда, прося покорно
Откушать со всеми вместе.
«Мы видим лиру, мы дудки видим.
Сыграйте же добрым людям!
Набьем вам сумки, уж не обидим
И благодарны вам будем!»
В ладоши хлопнул: «Уймитесь, дети!
Уймитесь! Ну, ладно, коль уж
Вы так хотите — могу вам спеть я.
Но что ж вам петь?» — «Что изволишь!»
Взял в руки лиру. И медом сладким
Грудь старческую согрел он.

За дудки взяться мигнул ребяткам
И тронул струны, запел он.
«Где Неман льется, там путь мой вьется.
К селу от села шагаю
Через дубравы, через болотца
И песенки распеваю.
И внемлют люди, но все ж едва ли
Мое им понятно слово.
Смахну слезу я, вздохну и снова
Шагаю в дальние дали.
А кто поймет уж, так тот в печали
В ладони белы ударит,
В ответ на слезы слезой подарит,
И я уж не двинусь дале».
Тут замолчал он и, озирая
Народ на лужочке этом,
Нахмутив брови: «А кто ж такая
Прислушалась в стороне там?»
А там пастушка плетет веночек,
Сплетает и расплетает,
А рядом с нею ее дружок
Веночком ее играет.
На лице девы покой душевный,
Опущены долу очи;
Стоит не радостной и не гневной,
Задумчива только очень.
И, как колеблет свой стан травинка,
Хоть ветер уже не дышит,
Вот так над грудью дрожит косынка,
Хоть вздоха никто не слышит.
С груди рукою она снимает
Какой-то листочек вялый,
О чем-то шепчет, глядит, бросает,
Сердясь на него, пожалуй.
И отступила, отворотилась
И ввысь повела глазами,
И вдруг румянцем лицо покрылось,
Покрылись глаза слезами.
И щиплет струны старик безмолвный,
На девушку он воззрился;
Взор соколиный, вниманья полный,
Как будто ей в сердце впился.
Он поднял чашу, и медом сладким
Грудь старческую согрел он;
За дудки взяться мигнул ребяткам
И тронул струны, запел он:
«Для кого в венок вплетаешь²

² Для кого в венок вплетаешь... – Эти триолеты взяты из стихотворения Томаша Зана.

Лилии, тимьян и розы?
Ах, счастливец увенчаешь,
Для него венок сплетаешь!
Любишь! Как ты ни скрываешь
Выдают румянец, слезы.
В свадебный венок вплетаешь
Лилии, тимьян и розы!
Одному в венок вплетаешь
Лилии, тимьян и розы,
А другого отвергаешь
Не ему венок сплетаешь!
Коль счастливцу ты вручаешь
Лилии, тимьян и розы,
Так несчастному отдай уж
Хоть румянец свой и слезы!»
Пошли тут толки да пересуды,
Вздыхая, заговорили:
«Знакома песня для добра люда,
Но кто ее пел – забыли!»
И поднял руку печальный старец.
«Эй, дети! – он голос подал.
Мне пел ту песню один страдалец,
Быть может, отсюда родом.
Знавал в Крулевце в былые лета
Какого-то пастуха я;
Туда на струге литовец этот
Приплыл из вашего края,
Всегда вздыхал он, всегда томился,
Как видно, не без причины;
Домой в Литву он не возвратился,
Отстал от своей дружины.
Я часто видел – горят ли зори
Или в сиянии лунном
Он бродит в поле иль возле моря,
Блуждает молча по дюнам.
И сам как камень между камнями,
И в непогодь и в морозы,
Каким-то горем делясь с ветрами,
Волнам поверял он слезы.
К нему пришел я, взглянул он смутно,
Но все же со мной остался;
Я, слов не тратя, настроил лютню,
Запел я, за струны взялся.
И тут кивнул он мне головою
Ему понравились песни,
Пожал мне руку. Обнял его я,
И мы заплакали вместе.
И так сближались мы постепенно
И стали потом друзьями;

Хранил молчанье он неизменно,
И я не сорил словами.
И вот, снедаем своей тоскою,
Однажды свалился с ног он;
И стал я верным его слугою,
Когда совсем занемог он.
Изнемогая от тайной боли,
Он подозвал меня к ложу;
Сказал он: «Близок конец недоли,
Исполнится воля божья!
Лишь тем я грешен, что жизнь пустая
Здесь без толку пролетела.
Без сожаленья мир покидаю:
Давно я – мертвое тело!
Меня давно уж от лика света
Укрыли дикие камни;
Жизнь мира стала так далека мне
В воспоминаньях жил где-то!
Остался верен мне до конца ты!
Сокровищ я не имею,
Не награжу я тебя богато
Возьми же, чем я владею!
С тобою песня пусть остается,
В печали пел ее здесь я;
Наверно, помнишь, что в ней поется
И как звучит эта песня.
И вот со светлых волос повязка
Ветвь кипариса сухая;
Храни ту ветку, пой песню часто
Вот все, что я завещаю!
Ступай на Неман: найдешь, быть может,
Ту, что рассталась со мною;
Быть может, песня ее встревожит,
Всплакнет над веткой сухою.
Пригреет старца и в дом свой примет!
Скажи...» – Но глаза застыли,
Пречистой девы святое имя
Уста не договорили.
И все ж на сердце он, умирая,
Успел показать рукою
И обернулся к родному краю
За Неманом за рекою».
Замолк тут старец, в руке белело
Письмо – листа четвертушка.
Но из толпы уж уйти успела
Кого он искал – пастушка.
Уйти спешила, спешила скрыться,
Под платом пряча лик божий,
И вел под ручку красу-девицу

Какой-то парень пригожий.
Воззвала к старцу толпа тревожно:
«Дед, что случилось такое?»
Но промолчал он. И знал, возможно,
Да что говорить с толпою!

[Вторая половина 1821 г.]

ПРИЗРАК

Из поэмы «Дзяды»

Стиснуты зубы, опущены веки,
Сердце не бьется – оледенело;
Здесь он еще и не здесь уж навеки!
Кто он? Он – мертвое тело.
Живы надежды, и труп оживился,
Память зажглась путеводной звездой,
Видишь: он в юность свою возвратился,
Ищет лицо дорогое.
Затрепетали и губы и веки,
И появился в глазах жизни признак.
Снова он здесь, хоть не здесь он навеки.
Что он такое? Он – призрак!
Ведомо всем, кто у кладбища жили,
Что пробуждается в день поминальный
И восстает из кладбищенской гнили
Этот вот призрак печальный.
Но зазвонят из тумана ночного,
Что воскресенье уже наступило,
С грудью как будто разодранной снова
Падает призрак в могилу.
Живы его хоронившие... Часто
О человеке ночном говорится...
Кто же он, юноша этот несчастный?
Это – самоубийца!
Терпит, наверно, он страшную кару:
Весь пламенеет, тоскует ужасно...
Слышал однажды наш ризничий старый
Призрака голос неясный.
Передрассветные звезды блистали,
И привиденье, покинув могилу,
Руки вздымая в великой печали,
Жалобно заговорило:
«Ты, дух проклятый, зачем жизни пламя
Вновь заронил под бесчувственный камень?
Ведь угасало оно в этой яме!
Снова зачем этот пламень?
О, приговор справедливо суровый!
Вновь познакомиться, вновь разлучиться,
Из-за нее умереть смертью новой,
Помнить о ней и томиться.
Вновь между всякого сброда шататься
Буду я всюду, гонясь за тобою;

Впрочем, с людьми не хочу я считаться
В жизни изведаль всего я!
Если смотрела ты – взор опускал я,
Точно преступник; когда говорила,
Слышал я все, но молчал и молчал я,
Словно немая могила.
Это замечено было друзьями,
Юноши это причудой считали,
Старшие – лишь пожимали плечами
Либо мораль мне читали.
Слушал насмешки я, слушал советы...
Впрочем, и я бы на месте другого
Точно вот так же осмеивал это
И осуждал бы сурово.
Некто решил, что моим поведением
Гордость задета его родовая,
Но отстранялся с любезным терпеньем,
Будто бы не замечая.
Горд был и я: мол – понятно мне это!
Громко дерзил я в ответ на молчанье
Или выказывал вместо ответа
Полное непониманье.
Ну, а иной не прощал прегрешенья,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.